

Яна Милина

Лето наших надежд

Яна Милина

Лето наших надежд

«Автор»

2026

Милина Я.

Лето наших надежд / Я. Милина — «Автор», 2026

Москвич Егор привык к лёгким победам. Уверенный в себе, дерзкий и привыкший к вниманию девушек, он приезжает на лето в деревню к деду с бабушкой, даже не подозревая, что это лето перевернёт всю его жизнь. Местная красавица Алёна с первого взгляда вызывает в нём лишь раздражение — она дерзкая, неприступная и посмела указать ему его место. Но за этим неприятием и взаимными колкостями постепенно вспыхивает то, чего ни один из них не ожидал, — настоящая, чистая, первая любовь. Их чувствам предстоит пройти через споры и ревность, через предрассудки и осуждение окружающих. Смогут ли Егор и Алёна сохранить то, что родилось между ними, когда лето закончится и настанет время возвращаться домой? «Лето наших надежд» — это история о первой любви, которая остаётся с человеком навсегда. О том, как важно вовремя понять, что настоящее — это не громкие слова и пустые обещания, а человек, ради которого готов изменить свою жизнь.

© Милина Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Яна Милина

Лето наших надежд

Глава 1

Изгнание в лето

Июньское утро в деревне Богдановка наступало не по будильнику, а по солнцу. Тишину, в которой можно было услышать стрекотание кузнечиков, нарушила лишь яростная перекличка петухов. Николай Петрович, по привычке проснувшись в пять, уже управился в огороде и сейчас сидел на крыльце, закуривая сигарету.

Деревня их была большой, несколько улиц по десяткам дворов в каждой. И жили тут не только местные, но и городские жители, которые приезжали на лето на свои дачи.

Его покой нарушил гул мотора, непривычный для здешних тихих мест. По пыльной деревенской улице, вздымая облака золотистой взвеси, к дому подкатил огромный черный внедорожник. За ним на прицепе, надежно закрепленный ремнями, дремал «зверь» — сверкающий хромом спортивный байк.

— Глянь, Анна, — позвал дед, поднимаясь с лавки. — а вот и внук наш пожаловал.

На пороге появилась Анна Ивановна, вытирая руки о фартук. Она не видела Егора два года и ожидала увидеть того самого мальчишку с вечно сбитыми коленками. Но из кожаного салона машины вышел высокий, статный парень в брендовых шортах, стильной футболке и дорогих кроссовках, которые явно не были созданы для деревенской грязи. Его запястье украшали массивные часы, а в руках он держал последнюю модель айфона, с которой не расставался даже на секунду.

Водитель-шофер, высадив парня, принялся отцеплять байк. Егор оглядел дом, бесконечные поля за огородом с таким выражением лица, будто попал на другую планету, причем место для посадки выбрал крайне неудачное.

— Егорушка! Родной! — Анна Ивановна, не выдержав, бросилась обнимать внука.

— Привет, ба! - Егор вежливо позволил себя обнять. Он был «на стиле», холодный и собранный, как герой обложки глянцевого журнала, случайно зашедший не в тот квартал.

— Здорово, дед, — кивнул он Николаю Петровичу, пожимая его сухую, мозолистую руку своей ухоженной ладонью. — Ну как вы тут?

— Да живем помаленьку-потихоньку, - ответил дед, всматриваясь в лицо внука.

— От матери подарочки, — Егор кивнул шоферу, который внес в дом два увесистых пакета. Там было всё: от элитного чая и кофе до дорогих халатов и набора витаминов, которые в Богдановке видели только в рекламе по телевизору. Шофер, скинув пакеты, попрощался и уехал.

Дед отвел внука в комнату, что выходила окнами на заросший сиренью сад. Комната была чистой, с крашеным деревянным полом и вышитыми наволочками на подушках — абсолютный антипод его хай-тек спальни в Москве.

Аппетитный запах домашних щей и свежего хлеба, доносившийся из кухни, сделал то, чего не смог сделать никакой комфорт: Егор наконец почувствовал, что он смертельно голоден. Анна Ивановна суежилась вокруг него, как вокруг маленького, и парень, впервые за долгое время, перестал демонстративно проверять отсутствие сети на телефоне.

После обеда дед пригласил Егора на лавочку под большой старой яблоней.

— Ну, рассказывай, горе-путешественник, — дед пустил колечко дыма, глядя на внука прищуренными глазами. — Мать звонила, кричала, что ты в этом году совсем из рук вон стал. Почему на моря с ними не поехал? Друзья, небось, все в Турции, а ты к нам, в глушь?

Егор вздохнул, глядя на свои начищенные кроссовки.

— Да не море это, дед. Просто... надоело всё. Эти бесконечные тусовки, отец, который считает, что деньгами можно закрыть любую проблему. Они хотели меня в лагерь на Кипр отправить, с усиленным изучением экономики. А я подумал... если уж меня всё равно «ссылают», то лучше я пересижу это здесь. Подальше от всех этих правильных лиц.

— Пересидишь, значит, — усмехнулся дед, поглаживая щетиной подбородок. — Ну, пересиживай. Только помни, Егор: тут у нас работать надо — как потопаешь, так и полопаешь. Деревня — она не спрашивает, чей ты там сын. Она просто живет.

Егор откинулся на спинку лавки, глядя на розовеющее небо. Он еще не знал, что эта «просто жизнь» скоро перевернет его мир с ног на голову.

Богдановка была не просто деревней — это был настоящий особый мир, спрятанный в складках холмов, где время текло по своим, каким-то особенным законам. Она раскинулась на несколько километров, представляя собой довольно внушительное поселение: пять широких, петляющих улиц, в каждой из которых насчитывалось не менее пяти десятков добротных дворов.

Здесь удивительным образом уживались два разных мира. С одной стороны — исконные жители, чьи семьи пустили корни в эту почву еще до революции. С другой — «дачники», привносившие в деревенскую тишину ритм большого города. Летом Богдановка преображалась: на обочинах появлялись иномарки, по вечерам в воздухе слышался смех горожан, жарящих шашлыки, а на тесных деревенских улочках всё чаще можно было встретить людей с городским лоском, сменивших деловые костюмы на шорты и сандалии.

Инфраструктура Богдановки была предметом законной гордости её жителей. Сердцем деревни считался магазин — единственное место, где каждое утро можно было купить свежий хлеб и последние новости. Около магазина, на круглой деревянной лавке, всегда заседал местный «совет старейшин», знавший всех и обо всем.

Чуть поодаль располагалась школа — крепкое кирпичное здание, которое в летнее время пустовало, но оставалось центром притяжения для местной ребятни, собиравшейся на спортивной площадке. Рядом находился медпункт, где суровая, но справедливая фельдшер Мария Сергеевна знала историю болезни чуть ли не каждой коровы и каждого дачника в округе.

Но самым примечательным был сельский клуб — старое кирпичное здание, массивное, с колоннами и выцветшей краской на дверях. Здесь по вечерам гремела музыка, устраивались танцы, на которых молодежь из города пыталась перетанцевать деревенских парней, а по выходным проводили собрания или устраивали концерты местные артисты.

Богдановка не тонула в лени, она дышала. Она жила по своему собственному расписанию, где запах парного молока поутру сменялся ароматом скошенной травы и дорожной пыли, а вечерний стрекот цикад был лучшей музыкой для тех, кто хотел вырваться из городского шума в этот зеленый оазис, полный простых радостей и искренних улыбок.

Глава 2

Утро началось с раздражающего гула деревенской жизни: где-то неподалеку надсадно ревел трактор, визжала пила, слышались бодрые окрики мужиков. Егор пытался заглушить это телефонными сообщениями от Юли, своей девушки. Она строчила из какой-то европейской столицы, присылая селфи с террас с видом на море и жалуясь, что «без него здесь скучно». Егор лениво отправил ответное «сердечко», чувствуя странную отстраненность. Казалось, тот московский мир с его гламуром и Юлей сейчас был где-то на другом конце планеты, за непроходимым лесом.

Солнце клонилось к закату, расцветивая небо Богдановки в густые персиковые тона, когда Егор, отоспавшись за долгую дорогу сюда, выбрался из дома. День пролетел в каком-то полузабытии.

После сытного деревенского ужина Егор вышел во двор. Дед Николай сидел на старой лавке, задумчиво вертя в руках проржавевший со всех сторон медный таз, который он хотел каким-то чудесным образом реанимировать.

— Куришь? — не глядя на внука, спросил старик, выуживая из кармана брюк мятую пачку.

Егор оглянулся на окна кухни, где Анна Ивановна гремела посудой.

— Балуюсь иногда, — ответил он, понизив голос. — Только бабуле ни слова, дед, прошу тебя, она же мне весь мозг вынесет.

Дед усмехнулся в усы и протянул ему сигарету.

— На, попробуй. Моя махорка, сам сажал, сам сушил. Тобой выращенное — самый честный продукт.

Егор, стараясь выглядеть небрежно, прикрыл огонек ладонью и сделал глубокую затяжку. Через секунду его лицо покраснело, горло обожгло так, будто он глотнул кипятка, а на глазах выступили непрошеные слезы. Егор согнулся в три погибели, оглушительно кашляя, пока легкие не начали жечь, как огнём.

— Твою мать... — прохрипел он, отшвыривая самокрутку в траву. — Ты решил меня отравить, дед? Кури сам этот порошок, я лучше до магазина дойду.

Дед добродушно расхохотался, отчего у него в уголках глаз собралась целая сеть морщинок.

— Крепкость духа, Егорка, проверяется не айфонами, а табачком. Слабоват ты пока для наших краёв.

Потом они переместились к прицепу. Николай Петрович долго и внимательно осматривал блестящую раму байка, с осторожностью касаясь кожаного сиденья, словно это был не мотоцикл, а диковинный космический корабль.

— Вот это техника... — уважительно протянул он. — Сразу видно — летит, а не едет. Катнёшь?

— Хочешь? — Егор оживился.

— Нет, мил человек, оставь это молодежи. Кости не те, да и скорость мне теперь только в снах снится.

— А я, пожалуй, прокачусь, да и деревню надо вспомнить, что где находится.

— Ты, Егор, только поосторожней. Тут люди по дорогам ходят и не смотрят, у нас светофоров нету — не гони сильно, а то не ровен час, еще зашибешь кого, — предупредил дед.

Егор довольно ухмыльнулся, накинул шлем, и тишина Богдановки была разорвана уверенным, низким рокотом двигателя. Байк под ним вздрогнул, готовый к рывку. Егор выжал сцепление, включил первую и, обдав деда облаком легкой пыли, выехал со двора. Мощный

аппарат в деревенских пейзажах выглядел как пришелец из будущего. Егор разогнался, чувствуя, как ветер бьет в лицо. Он не знал, куда едет, просто хотел почувствовать движение.

Скорость была для Егора единственным способом заглушить раздражение, которое пульсировало в висках с самого утра. Мощный двигатель ревел, вторя его внутреннему бунту, а встречный поток воздуха, пропитанный ароматами нагретой травы и перегноя, бил в лицо, как пощечина. Богдановка проносилась мимо сплошным зеленым полотном. Куры в панике хлопали крыльями, разлетаясь в разные стороны, как потревоженные птицы, и Егор, чувствуя пьянящее ощущение власти над этим маленьким миром, лишь сильнее выкручивал ручку газа.

На крутом повороте, где старые березы нависали над дорогой, создавая ловушку из теней, он влетел почти на пределе. И тут, в самом узком месте, увидел её. Девушка невозмутимо шла по обочине, даже не обернувшись на рев мотора.

Егор с силой ударил по тормозам. Заднее колесо взвизгнуло, срываясь в занос. Мотоцикл заходил ходуном, беспомощно юзая по гравию, и Егор в последнее мгновение, чудом удержав равновесие, вывернул руль на обочину. Байк с лязгом заглох, едва не сбросив своего наездника в глубокий придорожный кювет.

Егор слез с сиденья, чувствуя, как адреналин сменяется яростью. Его фирменная белоснежная футболка, еще утром сиявшая чистотой, теперь была покрыта густым слоем серой пыли и мелкими ошметками глины. Он ошарашенно провел рукой по груди, глядя, как пыль оседает на его дорожной одежде, а потом резко развернулся к источнику своих бед. Это была девушка примерно его возраста, дочь местного агронома Алёна Белова.

Он еще не знал ее имени, ни того, кто она, но первое впечатление, до его дальнейшего разговора с ней, произвело на него неизгладимое. Он увидел красивое личико с серыми глазами, которые строго на него смотрели, пухлые розовые губы, которые так и просились, чтоб их поцеловали, точеную фигурку в коротком сарафанчике, стройные длинные ножки. Но его ярость перекрыла ее образ.

Алёна стояла в паре метров. В её глазах, расширенных от испуга, уже закипал праведный гнев.

— Эй, ты! Крестушка деревенская! — рявкнул Егор, с трудом подавляя желание высказать всё, что он думает и об этой дороге, и о том, как здесь ходят люди. — А ну иди сюда!

Девушка медленно выпрямилась, поджав губы. Её брови сошлись на переносице, образуя строгую линию.

— Это ты мне? — голос её был холодным и четким, как выстрел.

— Тебе, кому же еще! — Егор сделал шаг к ней, размахивая руками. — Ты чего по дороге ползешь здесь, как сонная черепаха? Нашла место для прогулок, мать твою!

Алёна сделала шаг навстречу, не уступив ни пяди.

— Во-первых, здесь одна дорога на всю деревню, — отрезала она. — А во-вторых, где, по-твоему, мне ходить? В лесу, среди клещей? Ты посмотри на себя: газуешь как ненормальный, словно тормоза покинули чат!

Егор прищурился, окидывая её вызывающим взглядом.

— Мне показалось, или здесь кто-то очень борзый решил проверить мои тормоза?

Алёна едва заметно усмехнулась, скрестив руки на груди.

— «Когда кажется — креститься надо!», слышал такое?

Егор, не теряя ни секунды, демонстративно и с издевкой перекрестился, не сводя с неё глаз.

— Да нет, не показалось! Мои глаза меня не обманывают: самая борзая коза деревни собственной персоной стоит прямо передо мной!

Его голос сорвался на яростный крик. Он так сильно сжал кулаки, что костяшки побелели.

— Да ты вообще хоть знаешь, сколько стоит этот байк?!

Алёна негромко хмыкнула. Она наклонилась, сорвала огромный, мясистый лопух и, глядя Егору прямо в глаза, медленно поманила его к себе пальцем.

— Печаль-беда! Иди сюда, мажорик. Сопельки тебе подотру, а то ноешь, как маленький, из-за куска железа, — она смерила его взглядом, полным сарказма.

Егор отшатнулся, опешив от такой наглости.

— Дура, да ты знаешь, что я тебе сделаю?!

— А-ха-ха, — выдавила она из себя, хлопая себя по бедрам. — Как же страшно, просто до слез. Слышь, «принц на железном коне», ты своим загоном только кур в округе рассмешил. Ты тут не на Тверской, чтобы пальцы веером крутить.

Она, не торопясь, подошла ближе, едва не ткнув Егора тем самым лопухом прямо в нос. Ее взгляд был холоднее осеннего дождя, и от этого Егор почувствовал себя еще глупее в своей запыленной дизайнерской одежде.

Егор нервно дернул плечом, пытаясь отряхнуть пыльную футболку, но выглядело это максимально нелепо. Он попытался реабилитировать свое мужское эго, которое эта девчонка опустила ниже плинтуса и уколол ее в очередной раз.

— Ты реально такая «деревня», что кроме трактора «Беларусь» ничего в жизни не видела?

— А ты просто залетный мажор, который даже тормоза нажать не смог, чтоб не влететь в кусты.

— Кто мажор?! — Егор сделал резкий шаг вперед, пытаясь подавить её ростом, но девушка даже не отступила. — Свали с дороги, пока я тебя не переехал!

— Ой, как страшно! — Аля картинно закатила глаза, переходя на ядовитый шепот. — Ты фильтруй базар, пока я тебя не огрела. Не позорься, садись на свое ведро с болтами и вали отсюда!

Егор побагровел. Он привык, что девчонки в Москве липли к нему, стоило ему щелкнуть пальцами, а эта... эта «колхозница» просто разбивала всё его эго в щепки.

Алёна развернулась, чтобы уйти, но напоследок бросила через плечо:

— И да, байк у тебя — огонь, но наездник — кринж полный. Надеюсь, в следующий раз ты все-таки долетишь до кювета, там как раз для таких, как ты, местечко найдется!

Аля зашагала прочь, гордо подняв голову, а Егор остался стоять, стиснув зубы до боли, глядя, как пыль оседает на его дорогой обуви. Впервые за семнадцать лет он не нашелся, что ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.